

—

«То, что ты сделала раньше, хорошо, но сейчас нужно ещё больше раздуть слухи».

«Разве этого недостаточно? Разве мы не убедили семью Чжоу отказаться?»

Женщина, державшая руки в карманах, смотрела, как бледнолицый ученый отдаёт ей приказы, и не удержалась от ворчания.

«Что я говорю, то и делай, откуда столько разговоров?»

Юй Линсяо сердито взглянул на женщину, словно эти слова задели его сердце.

Изначально он думал, что семья Цзи, услышав деревенские слухи, передумает, но Таоюй, встретив его, был так холоден.

Вспоминая их прежнее согласие, нынешнее отношение Таоюя приводило его в ярость.

Какой бы метод он ни использовал, сейчас он хотел только, чтобы Таоюй вернулся к нему.

Женщина втянула голову: «Хорошо, послушаюсь, но нужно добавить денег».

Юй Линсяо пренебрежительно фыркнул, бросив слиток серебра: «Сделай всё как надо, и ты не останешься внакладе. Но если не будешь держать язык за зубами, ничего хорошего не получишь».

Женщина подняла деньги с земли и тут же, расплывшись в улыбке, согласилась: «Понятно, понятно. Служить господину Юй — моё счастье».

Юй Линсяо нетерпеливо махнул рукой: «Уходи быстрее. Выходя, будь осторожна, чтобы никто не увидел».

«Хорошо».

Женщина засунула серебро в карман и радостно вышла.

«Линсяо, зачем ты снова позвал эту старуху Ван домой? Разве мама не говорила тебе не общаться с такими людьми?»

Увидев, что женщина вышла из дома, Сунь Юаньнян недовольно вошла в комнату.

«Эта злобная баба когда-то немало сочиняла про нашу семью, и мы втроём в деревне еле сводили концы с концами во многом благодаря ей. Из-за неё твоя сестра не смогла найти подходящего хорошего мужа в деревне и была вынуждена выйти замуж в уезд».

Юй Линсяо сказал: «Мама, это всё в прошлом. Теперь эти люди только льстят нашей семье. Зачем ты всё ещё вспоминаешь прошлое и расстраиваешься?»

«Мама не злопамятна, просто у старухи Ван язык длинный, а её сын – бандит. Хотя мы и платим им за работу, кто знает, не возникнет ли у них других мыслей. А если старуха Ван, шантажируя тебя тем, что она для тебя сделала, потребует найти её сыну хорошее занятие, и будет приставать к нашей семье, что мы будем делать?»

Юй Линсяо сказал: «Когда дело будет сделано, и Таоюй выйдет за меня, всё, что она наговорит, будет бесполезно, всё уже решено. Если она будет так неблагодарна, я не потерплю их семью».

Сунь Юаньнян замолчала. Она знала, какие слухи сейчас ходят в деревне, и понимала, что это дело рук Линсяо.

В её сердце всегда было непонятное чувство. В конце концов, семья Цзи действительно была добра к семье Юй. Они были порядочными людьми, не устраивали скандалов и расторгли помолвку, и в будущем они всё равно могли встречаться в деревне.

Всё могло бы закончиться мирно, и она действительно не хотела топтать семью Цзи.

Здоровье у Цзи Таоюя и так было неважным, найти ему пару было труднее, чем обычным герам или девушкам, а теперь ещё и репутация испорчена, его, конечно, никто не захочет.

Конечно, она знала, что именно этого и хотел добиться Линсяо, но в душе ей казалось, что он немного переходит границы: «Таоюй всё же гер. Если семья Цзи будет упрячиться и не пойдёт на уступки, и Таоюй, расстроившись, задумает что-то плохое, тогда возникнет вражда не на жизнь, а на смерть. А если...»

Не успела она договорить, как Юй Линсяо немного вспылал: «Если бы в тот день, когда семья Цзи пришла расторгать помолвку, мама не обманула меня, сказав, что они не посмеют расторгнуть помолвку, зачем бы мне сейчас так мучиться?»

«Как бы то ни было, я обязательно женюсь на Таоюе, он мой муж. Если бы мама не строила такие глупые планы, Таоюй сейчас не был бы так холоден ко мне».

Сунь Юаньнян посмотрела, как сын высказал столько претензий, и на мгновение была так

поражена, что не могла открыть рта.

Юй Линсяо всегда был мягким и вежливым, слушался её во всём, даже пары грубых слов ей никогда не говорил. Когда же он стал таким саркастичным?

Ей тут же стало обидно: «Мама не думала, что семья Цзи будет такой упрямой и откажется от такой хорошей помолвки. Я знаю, что дело Таоюя затронуло тебя за живое, но мама ведь всё делала из лучших побуждений».

Юй Линсяо сам понял, что перегнул палку, и смягчил тон: «Сын был слишком поспешен. Мама, не бери близко к сердцу то, что я только что сказал. В общем, дальше мама не вмешивайся, я сам всё улажу».

Ближе к полудню в деревне было мало людей. Старуха Ван решила, что это не лучшее время для работы.

Сегодня она получила много денег, и её сердце радовалось. Она собиралась сначала вернуться домой, пообедать, немного вздремнуть, а потом не спеша выйти.

«А-Ху, ты вернулся!»

Как только она подошла к воротам двора, она увидела, что дверь её двора открыта. Она, ускоряя шаг, пошла внутрь, говоря не переставая: «Ты вернулся как раз вовремя, сегодня мама снова много заработала. В этом году можно весело провести... ах!»

Старуха Ван вошла в дом, не успев договорить, как увидела, что её сын связан, скрученный по рукам и ногам, и привязан к стулу. Перед длинной скамьей у стола сидел мужчина, который выглядел так, будто готов был съесть человека, и был ей незнаком.

Её взгляд сразу встретился с его страшными глазами. Она так испугалась, что ноги подкосились, и она чуть не упала на пороге.

«Это твоя старуха?»

Хо Шу поднял ногу и пнул табурет, и человек с выпученными глазами упал на землю вместе со стулом. Хотя пол был не из каменных плит, но от удара Хо Шу всё равно было очень больно.

Однако мужчина не осмелился кричать, поспешно ответив: «Да, да, брат Хо, это моя мама».

Хо Шу, узнав адрес женщины по фамилии Ван, сразу же пришёл сюда, чтобы подкараулить её.

Не думал, что сначала поймает её сына, и притом знакомого. Это был тот самый мужчина, который в прошлый раз, когда он только приехал в деревню, устроил скандал у дома Чжао и принуждал Юань Хуэйжу продать землю.

Хо Шу, не говоря ни слова, конечно, первым делом вошёл и повстречался со старым знакомым.

Ли Цзиньху бродил по улице несколько дней, а сегодня вернулся домой, чтобы спокойно полежать пару дней. Не думал, что едва успев войти в дом, увидит Хо Шу, перелезающего через стену. Он так испугался, что чуть не упал перед ним на колени.

Но он думал, что в эти дни он не связывался с людьми, связанными с Хо Шу, поэтому не должен был навлечь на себя это грозное божество.

«Н-не знаю, с какой целью брат Хо почтил моё скромное жилище, что я могу сделать, чтобы помочь, я, младший брат, готов пожертвовать собой ради брата Хо».

Хо Шу холодно посмотрел на Ли Цзиньху: «В деревне в последнее время ходят много слухов, говорят, что гер из семьи Цзи и цзюйжэнь Юй слишком близки. Слышал, что твоя старуха знает все сплетни в деревне, вот и пришёл спросить».

Ли Цзиньху, услышав это, невольно сглотнул. Он, конечно, знал, что за человек его старуха.

Но он совершенно не занимался тем, что старухи говорят на досуге. Что плохого в том, чтобы сказать пару слов на досуге? Разве это может кому-то навредить? Он и не думал, что из-за этого кто-то действительно придёт к нему домой.

С другими людьми было бы ещё ничего, но пришёл такой человек, которого не сдвинешь с места.

Он очень боялся Хо Шу. То, что он получил побои в прошлый раз, это ещё ладно, но потом он узнал, что тот с севера, ещё и солдат, вернувшийся с поля боя, и ему стало ещё страшнее.

Свирепых людей можно было провоцировать, даже с таким, как мясник Цяо из деревни, можно было поспорить. Но с такими, как Хо Шу, нельзя было связываться. Он привык убивать, и даже зная, что он не на поле боя, кто знает, не совершит ли он вдруг ошибку в гневе.

Узнав причину визита Хо Шу, он только молча молился, чтобы это не его старуха всё это разнесла.

Хо Шу не стал с ним препираться, а просто связал его в комнате и стал ждать возвращения старухи Ван.

Старуха Ван, увидев, как её сына унижают, не могла вынести этого. Он же её плоть и кровь. Она заикаясь выругалась: «Ты из семьи Юань Хуэйжу, что ты делаешь? Мы же из одной деревни, ты, ты не переходи границы».

Хо Шу ничего не сказал, просто снова поставил отведённую ногу на спину человека на опрокинутом стуле. Человек под ним тут же закричал: «Ах, ах! Мама, не кричи!»

Старуха Ван тут же остолбенела. Её сын был бандитом, всегда кричал и командовал, только другие были обречены на то, чтобы он их притеснял. Когда же он так кричал?

Она поспешно замолчала.

Ли Цзиньху поспешно сказал: «Мама, ты рассказываешь в деревне, что гер из семьи старосты и Юй Линсяо тайно виделись наедине?!»

Старуха Ван, услышав эти слова, сразу же почувствовала, как сердце ёкнуло. При человеке она, конечно, не осмелилась признаться, лишь виновато пробормотала: «Они, они разве не помолвлены, что за тайные встречи».

Но едва она договорила, как снова раздался крик Ли Цзиньху.

Ли Цзиньху лежал на земле, и когда ему на спину наступили, ему показалось, что кости вот-вот отделятся от плоти. Он крикнул: «Мама, говори быстрее!»

«Не надо, не надо!»

Старуха Ван, увидев, что сын кричит от боли, поспешно подошла, чтобы отвести ногу Хо Шу: «Не топчи, это я сказала, это я сказала. У меня язык чешется, я виновата, бей меня, если хочешь, только не трогай моего сына!»

Хо Шу холодно смотрел на старуху Ван, которая хотела применить к нему свои бандитские уловки, и нисколько не собирался отводить ногу.

«Почему ты распространяешь слухи о двух семьях?»

«Семьи Цзи и Юй — знатные в деревне. Мы живём так бедно, а они едят и пьют в изобилии. Мне просто неприятно на душе, вот и... вот и говорю немного кислого, чтобы успокоиться».

Хо Шу посмотрел на Ли Цзиньху, лежавшего на земле: «Изначально я собирался поговорить хорошо, но раз твоя мама хочет со мной болтать всякую чушь, тогда мне незачем тратить слова».

Он вдруг встал и собрался наступить на Ли Цзиньху. Ли Цзиньху испугался и заплакал: «Брат Хо, он действительно может убить! Ты хочешь моей смерти?! Ты быстрее расскажи ему, что происходит, кто будет тебя кормить, если я умру!»

Тело старухи Ван вдруг обмякло, она упала на землю, прикрывая Ли Цзиньху: «Я скажу, я скажу! Это цзюйжэнь Юй велел мне так всем рассказывать. Он дал мне десять лян серебра и велел испортить репутацию гера из семьи Цзи. Сегодня он снова позвал меня и сказал, чтобы слухи стали ещё громче, и дал ещё десять лян серебра!»

«Деньги, деньги при мне, я только что вернулась от семьи Юй».

Хо Шу, услышав это, отвёл ногу. Мать и сын на земле облегчённо вздохнули.

Увидев, что Хо Шу не предпринимает никаких действий, старуха Ван осторожно развязала Ли Цзиньху верёвки.

«Брат Хо, моя мама, она, она не специально так сделала. Семьи Цзи и Юй — знатные в деревне, мы не можем их обидеть. Если бы семья Юй не принуждала мою маму так поступать, она бы ни за что не осмелилась».

Ли Цзиньху поднялся, поспешно оправдывая старуху Ван.

«Да, да. Я обычно болтаю слишком много, но разве я смею говорить плохо о них?»

Хо Шу не стал слушать их болтовню. Он прямо сказал о цели своего визита: «Меня не волнует, заставила ли вас семья Юй или вы были жадны до денег. Сейчас идите и проясните ситуацию».

Старуха Ван, услышав это, отпрянула и выпучила глаза: «Ты хочешь, чтобы я пошла и сказала деревенским жителям, что это семья Юй велела мне так говорить?»

«Я... я как я осмелюсь. Семья Юй — знатная семья в деревне, а Юй Эрлан теперь цзюйжэнь. Разве мы можем их обидеть? Если дело раскроется, семья Юй меня просто разорвёт».

Старуха Ван беспрестанно качала головой: «Нельзя, нельзя...»

Хо Шу слегка опустил глаза, посмотрел на них: «Если не пойдете и не проясните, посмеет ли семья Юй растерзать, неизвестно, но я вот людей запросто растерзаю. Смотрю, ты, старуха, уже наполовину в могиле, и разрывать тебя нет смысла. А вот твой сын молод и крепок, с ним, наверное, иначе».

Ли Цзиньху, услышав это, поспешно стал молить о пощаде: «Брат Хо, моя мама просто деревенская баба, мой отец рано умер, она вдова, не разбирается в делах. Семья Юй пришла к

ней, и она не могла отказаться. А теперь ты хочешь, чтобы она разоблачила семью Юй. Как ей, вдове, дальше жить?»

Хо Шу, увидев это, сказал: «Я могу указать вам дорогу, но это зависит от того, будете ли вы сотрудничать».

«Брат Хо, говори, говори».

Хо Шу сказал: «Вы проясняете ситуацию, восстанавливаете честное имя гера из семьи Цзи. Тогда я договорюсь с семьей Цзи, дам вам, матери и сыну, денег, чтобы переждать где-нибудь. Такая семья, как Юй, наверняка далеко не уйдёт, и когда шумиха уляжется, вы вернётесь. Семья Цзи, помня о вашей доброте, не будет намеренно создавать проблем, и вы сможете жить как жили».

Видя, что мать и сын раздумывают, Хо Шу холодно сказал:

«Если же вы будете упорствовать и настаивать на том, чтобы хранить молчание ради семьи Юй, это тоже возможно. Тогда я сообщу семье Цзи, что это сделали вы, и скажу семье Юй, что вы ненадежны. Таким образом, вы обидите влиятельные семьи в деревне, и вам не будет жизни».

«Либо обидите одну сторону, либо всех. Выбирайте сами».

Нормальные люди знают, что выбрать. Старуха Ван взглянула на Ли Цзиньху: «Мы послушаемся тебя, но, но деньги...»

Хо Шу вынул из-за пазухи двадцать лян серебра. Он собирался отдать их старухе Ван, но вдруг вспомнил строгие наставления одного молодого гера и поступок семьи Юй. Он поменял двадцать лян на десять.

«Эти деньги как залог, остальное семья Цзи даст вам после того, как всё будет сделано».

Ли Цзиньху тут же заверил: «Брат Хо не беспокойся, мы обязательно сделаем всё, как ты сказал».

«Лучше так, если посмеете передумать по дороге или что-то затеять».

Хо Шу взглянул на Ли Цзиньху: «Моё терпение очень ограничено».

«Да, да, мы ни за что больше не ошибёмся».

Хо Шу больше ничего не сказал и повернулся, чтобы уйти.

Увидев удаляющегося высокого мужчину, старуха Ван наконец-то выдохнула.

Она, сгибаясь от поясницы, которая стала болеть, сказала: «Этот солдат-грубиян такой страшный, всё время грозит убить. Я и не видела, чтобы семья Цзи с ним как-то общалась, а он почему-то согласился помочь семье Цзи и пришёл к нам, чтобы нас напугать».

Ворча, старуха Ван вдруг что-то поняла, и её глаза засияли: «Может, он тоже пригляделся к геру из семьи старосты?»

Ли Цзиньху был одновременно зол и раздражён: «Мама, перестань гадать и болтать попусту. Тебе-то легко говорить, а я получил побои. Его кулаки словно из железа, куда уж мне, простому смертному, выдержать его удары».

Старуха Ван с болью погладила сына по спине, склонив голову, и спросила: «Так мы действительно послушаем его и разоблачим семью Юй?»

Ли Цзиньху удивлённо посмотрел на мать: «Разве слова Хо Шу только что были не достаточно ясны? Мама и впрямь такая глупая, взялась за такое рискованное дело ради семьи Юй, разве не очевидно, что всё обернётся плохо для обеих сторон? Сын всегда знает, что нужно выбирать того, кто слабее, а ты вот, смотрите, влезла в ссору между семьями Юй и Цзи».

«Давай сделаем всё до того, как это случится, быстрее уйдем и переждем немного».

Старуха Ван, увидев, что её сын, который обычно много болтал, теперь так осторожничает, невольно втянула шею: «Мама поняла».

В доме Цзи сейчас было очень напряжённо. Обычная дружная семья из трёх человек теперь была охвачена тревогой.

Вернувшись домой, Таоюй не мог усидеть на месте. Он всё ещё переживал из-за того, что Юй Линсяо действительно нанял людей, чтобы распространять слухи и портить ему репутацию. Узнав правду, он был и зол, и испытал холодный озноб.

Поступок Юй Линсяо был для него невыносим. С одной стороны, он беспокоился о Хо Шу, не зная, сможет ли он схватить старуху Ван.

Семья Ли особенно хорошо владела уловками и приёмами бандитов. Обычные люди не могли справиться с таким неразумным и только скандалящим человеком. Он не знал, справится ли Хо Шу.

Он ходил туда-сюда по двору, все его переживания были написаны на лице.

Хуан Маньцзин думала, что он расстроился, потому что его осудили, когда он выходил на улицу. Она несколько раз его утешала, но он только отмахивался.

Ближе к полудню, Таоюй не дождался Хо Шу, но первым вернулся его отец с улицы.

Цзи Янцзун, заложив руки за спину, шёл с очень мрачным лицом.

Хуан Маньцзин, увидев это, поняла, что ситуация не радужная. Она сначала отослала Таоюя на кухню, чтобы он присматривал за кастрюлей, и спросила: «Как дела?»

Цзи Янцзун покачал головой: «Никто не признаётся, что слышал какие-либо слухи. На первый взгляд все такие порядочные, а всё говорят втихаря».

Хуан Маньцзин сказала: «Это логично. Кто осмелится признаться в таком перед самим человеком и говорить? Все боятся обидеть, кто осмелится открыть рот?»

Супруги были как слепые мухи. Со слухами было трудно разобраться, и оставалось только использовать самый неуклюжий метод — по очереди спрашивать, чтобы выявить того, кто первым начал распространять слухи.

Но дела шли не так просто.

Цзи Янцзун был очень расстроен. В этот период он был занят и сбором налогов, и поиском источника слухов.

Если дело не удастся быстро уладить, тогда слухи распространятся, и гер их семьи будет опозорен, а также пострадают другие геры и сестры.

Каждый день промедления увеличивал риск, как могли супруги не беспокоиться и не злиться.

Цзи Янцзун бегал всё утро, в зимнее время он тоже устал и вспотел. Он сказал: «Сначала поедим, а потом поговорим».

Не успел он договорить, как в ворота двора постучали. Цзи Янцзун, набравшись терпения, пошёл открывать дверь: «Кто там!»

Дверь едва открылась, и Цзи Янцзун увидел стоящего высокого Хо Шу. Он нахмурился. В это время он не обедал дома, почему он пришёл сюда?

«Что случилось?»

С тех пор как Цзи Янцзун узнал, что этот парень присматривается к их «маленькой капустке», он перестал смотреть на него как на благодетеля.

Хо Шу сказал: «У меня есть важное дело, которое нужно обсудить со старостой».

Цзи Янцзун был очень раздражён. В последнее время ему постоянно не везло, дела наваливались одно за другим, от чего у него кружилась голова.

Он посмотрел на Хо Шу и сказал: «Ладно бы, если бы ты пришёл увидеться с Таоюем, с ним всё в порядке. На улице сейчас говорят такие гадости, так что оставь свои прежние мысли. Воспользуйся этим временем, когда легко устроить помолвку, и пусть твоя приёмная мать найдёт тебе хорошую семью».

«О другой помолвке поговорим позже, сейчас я пришёл по делу семьи Юй».

Цзи Янцзун, услышав это, двинул бровями. Сзади вдруг раздался удивлённый голос Таоюя: «Это брат Хо пришёл!»

Цзи Янцзун, увидев это, посторонился: «Заходи, присаживайся».

Хо Шу не был человеком, который ходит кругами. Он знал, что семья Цзи наверняка волнуется, и прямо сказал: «Тот, кто распространял слухи, найден. Я поговорил с этим человеком, и она согласилась прояснить ситуацию».

Цзи Янцзун, услышав это, широко раскрыл глаза: «Ты серьёзно, нашёл того, кто распространял слухи?!»

Подумав, что Хо Шу не тот человек, который стал бы шутить о таком, Цзи Янцзун всё же снова спросил.

«Да».

Увидев подтверждение Хо Шу, супруги Цзи были вне себя от радости.

Хо Шу кратко рассказал о случившемся, включая условия, на которых он договорился с старухой Ван и её сыном.

«Юй Линсяо сошёл с ума?! Я неоднократно отступал, а он намеренно губит человека!»

Бах! На столе разбился чайный стакан, упав на землю.

«Я столько ради него старался, а вырастил такое чудовище с волчьим сердцем и собачьей душой! Как его земля носит!»

Глаза Цзи Янцзуна покраснели, он тяжело дышал. Хуан Маньцзин, увидев, что дело плохо, поспешно подошла и погладила его по спине: «Сейчас злиться бесполезно, не выходи из себя».

«Я ни за что не подумал бы на семью Юй! Он, учёный человек, такой коварный и подлый, нужно подать на него жалобу в академию!»

Хуан Маньцзин сказала: «Если это не убийство или поджог, в академии даже слушать не станут. Ты пойдёшь на него жаловаться, зря получишь побои, а он цзюйжэнь, его не накажут».

Таоюй сказал: «Да, папа, успокойся. Сейчас можно прояснить ситуацию в деревне, остановить ухудшение ситуации».

Цзи Янцзун тоже успокоился и сказал: «Если старуха Ван готова выйти и прояснить, то любые условия можно обсуждать, это дело прошлое».

«Бесконечно терпеть Юй Линсяо только поощряет его наглость. На этот раз, неважно, с кем он снюхался, мне всё равно. Перед всей деревней я сделаю так, чтобы он потерял лицо и больше ни с кем не встречался».

Хуан Маньцзин хлопнула Цзи Янцзуна по руке: «Нужно прямо сейчас созвать деревенское собрание, чтобы прояснить ситуацию».

Цзи Янцзун, услышав это, тут же встал: «Я сейчас же позову Да Нью, чтобы он всех оповестил, пусть все приходят».

Таоюй, увидев, что отец поспешно собирается, и его прежнее уныние исчезло, вздохнул с облегчением.

Он поднял глаза и тихонько посмотрел на Хо Шу.

Неожиданно Хо Шу опустил глаза, и их взгляды встретились. Сердце Таоюя ёкнуло, и он поспешно отвёл взгляд.

«Хо Лан, даже не знаю, как тебя благодарить, ты снова очень помог семье Цзи». Хуан Маньцзин сказала: «Спасибо, что ты пошел к семье Ли и убедил старуху Ван, иначе мы бы не знали, что делать».

Хо Шу сказал: «О благодарности поговорим позже, сейчас главное, чтобы семья Ли прояснила ситуацию».

Хуан Маньцзин одобрительно кивнула: «Верно. Хо Лан, останься здесь пообедать, чтобы не возвращаться туда-сюда».

Таоюй, услышав это, глаза его заблестели, он с ожиданием посмотрел на Хо Шу.

Даже если бы Таоюй не высказал свое мнение, Хо Шу, получив такое приглашение, не отказался бы.

«Хорошо».

Хуан Маньцзин улыбнулась, притворившись, что не замечает своего ребенка, который уже не мог скрыть радости в своих глазах.

Она тихонько вздохнула. Даже если раньше она не замечала, что Хо Шу испытывает такие чувства к её ребенку, но теперь, видя, как он хлопочет ради Сяо Таоцзы, она была бы глупой, если бы не поняла.

Хуан Маньцзин пока не знала, хорошо это или плохо, но сейчас у неё не было времени об этом думать. Главное дело — это предстоящая тяжёлая битва.

«Вы двое посидите немного, я пойду что-нибудь приготовлю».

Таоюй, услышав это, встал и быстро сказал: «Мама, я помогу тебе. Брат Хо пришёл, добавим два блюда, я приготовлю тушеные побеги бамбука».

—

<http://bllate.org/book/14480/1281188>